Вода живая и мертвая

В областном драматическом театре состоялась премьера сказки-пьесы Василия Белова «Бессмертный Кощей». Сегодня мы предлагаем вниманию читателей статью об этом произведении писателя. В одном из ближайших номеров будет опубликована рецензия на новый спектакль.

ПРЕКРАСЕН в своей неповторимости сказочный мир Древней Руси! Страшновата Баба-Яга, обитательница избушки на курьих ножках, желанием которой ступа или метла становятся летательным аппаратом. Поэтичны в своей вечной печали русалки, тревожащие жутью запредельного существования. Сердитый озорник Леший — хозяин леса и зверей, таинственный Кощей — пришелец из неведомого мира...

С раннего детства нам всем привычны эти образы, в чем-то неизменно сохраняющие постоянство облика, но вдруг поступающие совсем неожиданно. Хороша привычность традиционного — с нею легче познавать мир, — но что за сказка без неожиданностей! Своеобразное преображение народно-поэтического материала мы находим и в сказке-пьесе Василия Белова «Бессмертный Кощей».

Не к детям обращается писатель со своей драматической сказкой—ко взрослым, и не из желания поразвлечь — с целью представить наше недалекое будущее. Оно просматривается уже сегодня, а каким станет — зависит от каждого из сограждан. В замысле своем В. Белов оригинален, хотя и не первым обратился к сказочному сюжету пьесой в стихах.

Широко известна весенняя сказка А. Н. Островского «Снегурочка» (1873), на основе которой позже композитор Н. А. Римский-Корсаков создал одну из лучших своих опер. Русскую языческую старину с ее культом солнца воссоздает драматург, и как идиллия открывается страна берендеев. «Владыка среброкудрый, отец земли своей», Берендей — это народный царь: он живет для своих подданных, и они его любят. В сказке Островского реализуется мечта о гармоническом царстве любви и света, которую воплощают народные празднества с играми и плясками, поэзия древней жизни с ее поверьями и обычаями.

Несомненно, опыт А. Островского не прошел мимо В. Белова, однако идилличность представлений у него не находит места. Жизнь берендеев, согласных с природой и с велениями сердца, стала сказкой. Теперь говорят: «Да была ли она?.. Полно! Одни только выдумки...». И все-таки была, чему свидетели — древние храмы, резные избы и вся великая сокровищница русского фольклора. Вот о том, как теряют люди свои сказки, как разменивают на дешевку прекрасную мечту, и говорит пьеса В. Белова. Но и не только об этом, — писатель не был бы самим собой, если б не оставил нам свет надежды.

НОВИЗНА и традиционность в искусстве неразрывны, существуют в единстве, и, опираясь на поэтику сказки, Василий Белов создал пьесу не только оригинальную, но и принципиально новую. В основу произведения положен прием контраста, обычный для созданий народного гения. Сказка полярно разводит героев — положительный ли, отрицательный, — не спутаешь. Так и у Белова, но, в отличие от сказки, герои которой изначально заданы в добре ли, худе, статичны, характеры его персонажей способны к развитию, к одолению своих слабостей. И в контрастном развитии представлена сказочная действительность.

Нетронуто первозданный мир природы открывается нам в первом действии, и мы с радостью узнавания встречаем знакомых героев. Оказывается только, Баба-Яга устала жить, и нам ее жаль: она у Белова — уставшая и благодушная, хотя и ворчливая старуха. А Солдат как солдат — послушен и ленив, горазд прихвастнуть и поволочиться. Печальна Русалка, как девушка в своей ранней поре, еще не осознавшая желаний, а Кикиморы — жеманны и бранчливы. Старый Водяной сгибается под бременем годов, а молодой Леший полон сил, дерзости и жажды любви. Даже Смерть — еще не страшная, а только зловредная — не хочет прибрать старую Ягу. А вот и Кощей явился — жалкий, лебезящий, угодливый — такой нам несколько непривычен, — он еще не получил бессмертия, оказывается...

Нежный лиризм и незлобивый юмор окрашивают начальные сцены пьесы. Сказочные герои помаленьку обретают бытовую конкретность, становятся нам ближе. Кстати, обытовление их (совсем как люди) характерно было и для народной поэтики, так что в художественной интерпретации образов-персонажей Белов не отрывается от фольклорной традиции. В силу бытовой предопределенности характеров сказочных героев и развертывается сюжет пьесы.

Воспользовавшись случаем, Баба-Яга заперла Смерть в своей избушке и, обкурив ее сонным зельем, ушла травы собирать, а Солдата оставила охранять дверь. Страж, польстившись на хмельное, предложенное Кощеем, сам оказался за запором. Даровав Кощею бессмертие за свою свободу, Смерть поставила ему непременное условие — «не делать добрых дел», чем тот весьма доволен. А уж затем Водяной, не устояв перед азартом карточной схватки с Кощеем, проигрывает ему сначала Русалку, потом и себя самого. И оба они с Солдатом теперь покорны воле Кощея, который, сознавая свой верх над ними, наглеет на глазах и уже примеривается преобразовать мир по своим меркам и законам.

ЖЕСТОКО изуродованной по замыслу Кощея открывается действительность во втором акте пьесы. Обита пластмассой избенка Бабы-Яги, от леса одни пеньки остались и тиной река заросла...

И заявляет Кощей свои права: «Учись по плану спать и веселиться, порядок знай и делай что велят». И уже приказом велено разжаловать Солдата и отправить его лес рубить, наделив сапогами и усиленным пайком. Только Леший еще вольным ходит по лесу, и это не нравится Кощею, который вскоре станет улещать последнего противника службой: «Мундир и сабля будут вам к лицу». Нет, Лешего предложение не радует: ему «лучше умереть.., чем жить в таком соседстве, среди пеньков, среди равнин безводных, без птичьих песен...». Леший гибнет от руки Солдата, подвластного Кощею, для которого наступил час торжества:

Все позади! Мне некого бояться,
Я приведу в порядок этот мир!
Держа под гнетом собственные мысли,
Все на земле теперь пойдут за мною
И будут делать то, что захочу.

Чтобы утвердить гибель свободолюбивого врага, Кощей уходит за смертью и, воспользовавшись его отлучкой, Баба-Яга посылает Водяного за мертвой и живой водой. Непроворный старик не успел — вернулся Кощей и до крайности изумлен: «...Сколько можно верить в эти басни, вокруг себя не видя ничего?». Нет, по его мнению, ни леших, ни русалок — у него совсем особенные, не как у всех, представления о мире. И наивный вопрос третьей Кикиморы вдруг обозначает чуждость Кощея всем: «Он кто такой? Кого мы так боимся?». Кощей злобно обругал Кикимору, а Солдат, питающий к ней симпатию, поднялся на защиту обиженной. Дрогнув, хоть и бессмертный, Кощей отступил в избушку, где его и заперли по совету Бабы-Яги, которая сама отправляется искать родник с живой водой.

В остром драматизме столкновений развивается сюжет второго акта. Лирические интонации сохраняются, например, для Русалки, но выражают они уже не светлую печаль ожидания любви, а горечь бесприютности, боль утраты, принимающей форму плача. И юмору уже не место пред злобным своеволием Кощея, — получают преобладание жесткие саркастические тона.

Бытовые отношения героев во втором акте по-прежнему получают житейские мотивировки, но в экстремальных условиях острой опасности точки зрения определяются со всей ясностью. Становится понятно, кто есть кто и каков смысл драматического сказочного действа.

НЕ ЗРЯ давно сказано: сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок. Островский образом Берендея, исходя из просветительских целей, давал «урок» царям, а конфликтной действительностью второй половины XX столетия определяется проблематика сказки Белова. Не избегая скрытого дидактизма, драматург создал пьесу-предупреждение, обращая свой «урок» ко всем нам, к каждому в обществе.

В драматургии Белов ищет формы объективного изображения реальности с позиций невмешательства. Читателю дана возможность самому понять героев в их отношениях и явления жизни, направление и противоречивость ее развития. Так и в «Бессмертном Кощее»: предметом исследования стала катастрофичность современного мира в ее истоках и остро обозначившихся следствиях.

Угроза всемирной ядерной катастрофы, всеобщий экологический кризис — слова эти ныне у всех на устах. Заметим, современная подводная лодка наделена взрывной мощностью, превосходящей силу всех бомб, взорвавшихся за время второй мировой войны. Посчитаем: растущие города, заводы, дороги ежегодно отнимают два процента пашни, и к 2000 году она сократится вдвое... Подобными фактами полны газеты в наши дни и, подчеркнем, ничуть не простительнее сброс отходов с какого-то заводика в крохотный ручеек или нитратное отравление через огурец или картофель.

Велика ответственность тех, кто берется управлять устройством общества и судьбами мира. Гегемонистские потенции Кощея, навязывающего неправыми путями свой образ жизни, отражены в пьесе В. Белова с острым сарказмом. Негодованием, жестким осуждением отмечены и преступные слабости — пьянство, слепой азарт, бездумность. В них злая воля и находит возможность самоосуществления и, следовательно, в катастрофичности мира повинен так или иначе каждый из живущих.

И для каждого важно осознать себя в мире, свое место и меру ответственности, чтобы не грянул последний ядерный взрыв, чтобы не облысела планета — без лесов — и не задохнулась в смоге. Как вести себя человеку в современном мире перед фактом неумолимых перемен, творимых его руками? На этот вопрос отвечает сказка-пьеса Белова, в этом ее пафос.

Так, доселе бездумный, оскорбившись унижением Кикиморы, Солдат восстает против Кощея, — это уже акт самосознания. А Баба-Яга будто ждала время, чтоб утвердить деятельное Добро как традицию народной жизни, как основу человеческих отношений. Она ведь не только Лешего жалеет, когда посылает за живой водой, жалеет и Кощея — передачу ему в заточенье предлагает собрать...

Бесконечная регламентация, извне навязанные нормы жизни программируют бездумность и закрывают возможности всестороннего развития личности. Исходя из гуманизма, закрепленного в традициях русского фольклора, Василий Белов сумел в сказочном сюжете показать творчество живого чувства, сообразованного с природой, направленного против мертвенного рационализма и эгоизма.

Василий ОБОТУРОВ.